

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАК ПРОТОТЕКСТ «ДРЕВНЕЙ ПОЭМЫ «КАРЧА» МАГОМЕДА ХАБИЧЕВА

Берберов Бурхан Абуюсуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

В статье рассматривается тематически маркированный историко-этнографический и фольклорно-мифологический материал, ставший прототекстом для лиро-эпической поэмы «Карча» карачаевского ученого, поэта-фольклориста М. Хабичева (1930–1993). В произведении, охватывающем временной промежуток от конца XIV в. (нашествие Хромого Тимура на Северный Кавказ) до XVIII в. (эпоха Просвещения), главный герой Карча представлен как трансисторический персонаж, чьи смелые социально-политические проекты по консолидации разрозненного этноса и обретению национальной независимости реализуются через деятельность его потомка с аналогичным архетипическим именем. Такая номинологическая константа обусловлена этнокультурной традицией в экстремальные моменты народного бытия апеллировать к ключевому эпическому герою, культивировать его имя, как символ базовых ценностей. В поэме М. Хабичева старший Карча и младший Карча связаны не только кровно-родственными узами, но и общими гуманистическими идеями утверждения мира на Северном Кавказе и всей планете. Важное место в статье уделяется расшифровке ключевых образов, в частности, «подушки с душицей», символизирующей преданность человека своей Родине.

Ключевые слова: фольклор, исторические предания, прототекст, поэма, сюжет, Магомед Хабичев, Карча.

Процессы, связанные с планетарной глобализацией и ускоренной модернизацией, в XXI столетии актуализировали задачу сохранения российской культурной идентичности – «задачу, по своей витальной значимости сопоставимую с вопросом государственной безопасности» [Художественный опыт... 2017: 9]. При этом вполне логична мысль о том, что Россия, состоящая из множества культурных идентичностей, заинтересована в их объективизации, поскольку «в оркестре человечества каждый народ, как инструмент, ценен незаменимостью своего умения» [Гачев 2003: 239].

Определенное место в этом полиэтническом «оркестре» занимает и карачаево-балкарская культура, отличающаяся своей многосоставной корневой системой. До сих пор до конца не проясненными остаются проблемы этногенеза карачаевцев и балкарцев, ареала их бытования, соотношения автохтонно-кавказских и тюркских элементов в процессе формирования народа. По сложившейся научной традиции комплексом всех этих вопросов занимаются такие научные дисциплины, как история, этнография, археология, генетика, социология, география. Однако, на наш взгляд, недооцененной областью остается национальный фольклор, в частности, исторические предания, способные пролить дополнительный свет на этническую картину бытия, объяснить некоторые темные и запутанные места локальной истории. Как справедливо отмечает К.К. Султанов, «освобожденная от идеологических ограничителей, историческая память явно переросла функцию

одного из источников исторической достоверности, превратившись не только в доминирующую форму репрезентации прошлого, но и в движущую силу самоидентификации» [Султанов 2017: 4].

Основной целью данной статьи является генерализация и научный анализ существующих на сегодняшний день исторических преданий о Карче – «отце-основателе» карачаевской ветви данного этноса. Актуальность подобной работы продиктована необходимостью системного описания тематически маркированных фольклорных источников и соотнесения их с историческими данными для разведения по сторонам объективной правды и наслоений художественного вымысла.

Материалом для исследования в настоящей статье послужили фольклорные предания о Карче [АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 1; АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 2; Алейников 1983; О человеке... 2006; Тебуев 2019], беллетризованные произведения [Кагиева 1994; Хасанов 1994; Батчаев 2012], а также труды некоторых кавказоведов [Алиев 1991; Глашев 2005; Карачаевцы. Балкарцы 2014] и фольклористов [Малкондуев 2005; Малкондуев 2015 и др.]. Названные авторы, при всех прочих несовпадениях, едины в факте исторической достоверности существования в евразийском ареале легендарного человека по имени Карча. Другими словами, соблюдается жанровый принцип, отмеченный Ф.Х. Гулиевой (Зануковой): «главные действующие лица преданий – реально существовавшие люди» [Гулиева (Занукова) 2015: 30].

В фольклорном сознании балкарцев и карачаевцев бытуют различные исторические предания, легенды, песни, связанные с именем Карчи. Поэт, ученый-фольклорист и языковед Магомед Хабичев на протяжении многих лет собирал этот разрозненный материал о «великом горце» и на его основании создал лиро-эпическую поэму «Карча», которой сам же в названии наделил определением «древняя». По словам автора, его информаторами стали более 500 человек, среди которых числятся народные поэты Касбот Кочкаров (1834–1940), Исмаил Семенов (1891–1981), а также известный прозаик Осман Хубиев (1918–2001). Произведение было опубликовано 21 декабря 1996 г. на страницах газеты «Карачай» с авторским предисловием, где поэт признается, что «специально стилизовал весь текст под народную песню, чтобы музыкальный напев воодушевлял людей» [Хабичев 1996: 3].

Поэма начинается с традиционного зачина:

*Бурун-бурун, бек эртде кёзюледе, орайда!
Тюн Кавказы тауларында, тюзлеринде, орайда!
Тау башлада, суула бойну джерледе, орайда!
Тау халкъ джашай эд къалалада, элде, орайда!*

[Хабичев 1996: 3].

*Давным-давно, в очень древние времена, орайда!
Среди вечных гор и степей Кавказа, орайда!
На вершинах гор, на берегах рек, орайда!
Жил горский народ в крепостях, селениях, орайда!*

(Подстр. пер. автора статьи)

Далее автор описывает идиллическую жизнь горцев Северного Кавказа у подножия горы Минги-тау (Эльбрус), где они пасли скот, строили дороги, направление мелких ручьев разворачивали к своим огородам, плавил медь, железо в плавильных котлах. Затрагивается здесь и тема международной коммуникации – горцы тесно общались с Грузией, Арменией, Азербайджаном, Турцией, Персией, арабским миром, Россией и другими странами. Была развита и практика международной кооперации, судя по тому, что «Все новое воспринималось сознанием горцев, // И мастеров они приглашали отовсюду» [Хабичев 1996: 3].

Трагическим временем, когда появились злые, низшие силы, готовые проглотить «арбу народной истории» [Хабичев 1996: 3], автор называет конец XIV в., связанный с нашествием Хромого Тимура на Северный Кавказ. В полном соответствии со стилистикой народных преданий автор описывает сцены как героической обороны горцев, так и зверств, чинимых иноземными агрессорами. Далее поэт переключает свое внимание на пленников и крупным планом описывает трехпоколенную семью, состоящую из белобородого старика Карчи, пытающегося и в изгнании сохранить ядро народа, его покалеченного в боях сына Иналука, жены Иналука – сладкоголосой, черноглазой *Карылгач* (Ласточки), а также новорожденного мальчика, названного в честь деда Карчой.

Согласно версии М. Хабичева, карачаевский отряд пленников был оставлен наместниками Хромого Тимура в Крыму, на одном из берегов Черного моря. Бесправные горцы на чужой земле стараются сохранить свои культурные традиции – данный мотив в поэме подчеркивается сверхчутким отношением старого деда Карчи к своему маленькому внуку Карче, который с охотой учился играть на свирели, народной гармошке, пел старинные карачаевские песни.

Смысловым центром всех преданий о Карче является эпизод с «травяной подушкой», который определяет собой новый виток национальной истории Карачая. Это тот самый тематический инвариант, который при всех прочих меняющихся, ускользающих элементах фольклорно-исторических преданий, с постоянством этно-поэтического архетипического образа воспроизводится во многих легендах, преданиях и сказаниях о Карче.

По сюжету в один из дней юный Карча обращается к своему дедушке с вопросом: «Акка, что находится в этой подушке? Я чувствую запах какой-то травы» [Хабичев 1996: 3]. Дальнейший откровенный разговор между дедом и внуком имеет этноонтологическое значение, поскольку от старшего поколения к младшему транслируются важнейшие ценности духовного порядка, связанные с извечной верностью земле предков, культом старших, стремлением к свободе и независимости.

Как народным сознанием, так и художественным сознанием поэта здесь обыгрывается сходство двух слов «*Къарачай*» (ареал обитания народа) и «*къарашай*» (душица). Флористический вегетативный образ становится семиотической единицей, через метафизику запаха выражающей беспредельную любовь человека к родной земле. Это довольно сильный художественный образ, показывающий, что Родина – это не только абстрактно-духовное понятие, но и природная колыбель, с которой любая личность оказывается связанной всеми мыслимыми сенсорными нитями. Пахучая трава, по мнению Карчи, должна стать проводником и навигатором для карачаевских пленников, стремящихся вернуться с берегов Черного моря на историческую родину. Недаром он говорит своим соплеменникам, указывая на пучок травы: «Это карашай, он укажет вам путь к Архызу, // Это наше имя, наш народ, наша земля, наше будущее» [Хабичев 1996: 3]. Предводитель народа признается, что, вынужденно покидая родину под прицелом тимуровских захватчиков, он забрал с собой охапку травы «карашай», чтобы она своим ароматом не давала пленникам забыть о родине.

*Джастыкъдан чыгъаргъан эд къарашайны, орайда!
Ийшгетди, эсге салды Къарачайны, орайда!
Юй ичини ханс тюрлендирди джыйысын, орайда!
Кючледи Къара чораны мыйысын, орайда!*

*– Мен ёлсем да, сиз ёлмейин джашарсыз, орайда!
Муну бла Къарча тебени табарсыз, орайда!
Халкъыбызны бирикдириб башларсыз, орайда!
Керек кюнде болушлукъгъа чабарсыз, орайда!*

[Хабичев 1996: 3].

Он выгащил из подушки карашай, орайда!
Дал понюхать, напомнил Карачай, орайда!
Внутри дома трава изменила запах, орайда!
Запах травы завладел мыслями Кара-чоры*, орайда!

– Если я и умру, вы, не погибнув, будете жить, орайда!
По нему найдете холм Карчи, орайда!
Наш народ объединять начнете, орайда!
В нужный день на помощь поспешите, орайда!

(Подстр. пер. автора статьи)

Справедливости ради укажем, что мотив с сакральной травой повторяется и в романе карачаевской писательницы Назифы Кагиевой «Карча». Однако на этот раз используется образ *залыкбылды* (рододендрона), произрастающего в окрестностях Эльбруса [Кагиева 1994: 141].

Все дальнейшее повествование в поэме представляет собой художественный квест, т.е. «долгую дорогу домой» молодого Карчи вместе со своей этносоциальной группой. В этой связи весьма любопытно обращение к разделу «Уход-и-Возврат» в монографии британского историка А.Дж. Тойнби «Постижение истории», где автор на основе изучения многочисленных фактов локальных цивилизаций пришел к выводу о том, что прогресс чаще всего обеспечивается наличием в обществе «сильной личности», лидера, прокладывающего новый путь. Ученый пишет: «Чтобы феномен трансференции действия имел место, необходимо, чтобы в индивидуальной или коллективной биографии, в которой будет совершен творческий акт ответа на брошенный вызов, существовал аналог такой трансференции. И этим реальным аналогом является движение ухода и последующего возврата. Уход-и-Возврат, таким образом, можно рассматривать как «двухактный» ритм творческих актов, составляющих процесс роста» [Тойнби 2002: 270].

Сам Тойнби, подтверждая правомерность схемы «Уход-и-Возврат», приводит факты биографий нескольких общепризнанных творческих личностей, которые обязательно сначала переживают какой-то период отшельничества или изгнания, чтобы, после духовного просветления и обретения новых знаний, вернуться на родину для совершения определенной культурной революции. Среди таких «творческих пионеров» [Тойнби 2002: 269], автор называет Бенедикта Нурсийского, Сиддхартху Гаутаму, пророка Мухаммеда, Макиавелли и др.

По всем атрибутивным признакам Карча может быть вписан в приведенный типологический ряд, если учесть «контрольные» факты его биографии: в младенчестве он с частью своего народа был принудительно разлучен с родным краем, в инокультурной среде обогатил свой разум новыми знаниями, помноженными на мудрые уроки родного деда. В строгом соответствии с маршрутом «вегетативной подушки» Карча и его подвижники возвращаются на Кавказ, узнавая братьев по крови и духу. Его путь пролегает через разноплеменные поселения, пастушеские станы, ущелья, горы. Вторая часть поэмы М. Хабичева изобилует географическими названиями вплоть до микротопонимов Карачая и Балкарии (Эльбрус, Бештау, Нарсана, Элкуш, Ташкёпюр, Теберда, Учкулан, Джегута, Мара, Учкёкен, Кызыл-Кала, Лаба, Морх, Инджик, Верхняя Балкария, Чегем, Хулам, Безенги, Басхан, Элджурт и др.).

Все его действия направлены на идентификацию собственного родного края, обозначение ближайших соседей, установление с ними миролюбивых отношений.

*Билимли Къарча баргъан джерини белгисин, орайда!
Кенг къагъытха тюшюреди къалдырмай, орайда!*

* На наш взгляд, здесь произошла опечатка и имелось в виду «Карча-чоры». *Карча* – имя героя, *чора* – воин; труженик [Ахматова 2009: 132].

*Тауну, сууну, джер хазнадан билгенин, орайда!
Къоймайды ол джер суратха алдырмай, орайда!*

[Хабичев 1996: 4].

Всезнающий Карча знаки ступаемой земли, орайда!
Без остатка переносит на широкий лист бумаги, орайда!
Горы, реки, все, что знает о земных угодьях, орайда!
Не оставляет, на ту карту земли не нанося, орайда!

(Подстр. пер. автора статьи)

Сравнительно-сопоставительный анализ исторических преданий позволяет вычлени из них то, что принято называть константами и контекстами, т.е. постоянные, неизменяющиеся элементы текста и «факультативные», произвольные. К постоянным, вне всякого сомнения, можно отнести фигуру самого Карчи, состав его семьи, историю с «душистой подушкой», схему «Уход-и-Возврат». Разночтения же обнаруживаются в идентификации основного географического маршрута Карчи, уведенного из Северного Кавказа войсками Тамерлана (по версии Батчаева хана Бату, внука Чингизхана [Батчаев 2012: 354]). По версии М. Хабичева, это Крымский полуостров [Хабичев 1996: 4], Н. Кагиева «уводит» его в Египет [Кагиева 1994: 5], Ш. Тебуев – в Среднюю Азию [Тебуев 2019: 154]. В ряде текстов мотив увоза Карчи с исторической родины и, соответственно, возврата отсутствует. В них он предстает человеком, прибывшим из неизвестного края, но пришедшим со стороны Кара-Су (версия Макитова Локмана) [АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 1], из Крыма (версия Фатуева Романа) [О человеке... 2006] или Турции (версия Тебердиева Оюса) [АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 2].

В этом контексте определенный интерес вызывает историческое предание, зафиксированное карачаевским поэтом Ш. Тебуевым «*Эзде къалгъан хапар*» («Предание, оставшееся в памяти»), косвенно проливающее свет на малоисследованный вопрос о странствиях Карчи. Сказитель переносит читателя в Казахстан, во времена депортации (1943–1957 гг.). Однажды возле саманного домика Тебуевых остановилась кибитка, откуда вышел одноногий узбек – мастер на все руки. Хозяйка дома предложила ему починить старинный сундучок, привезенный с Кавказа. Старик на некоторое время поселился в гостеприимном карачаевском доме и в один из дней поведал такую историю. «Я очень хорошо знаю ваш народ. Часть ваших людей еще в XIV в. в качестве пленников наш Тамерлан привел в Среднюю Азию, их потомки до сих пор живут с нами. Раньше их называли «аланами», но теперь мы их зовем «белыми узбеками». Я с детства знаком с вашим сказанием «Карашауай», знаю, как нарты боролись с эмегенами. Мы их называли «сказания белых узбеков». А еще я знаю, почему вас называли карачаевцами. Среди пленников, которых привел Тамерлан, был один сильный воин по имени Карча. Здесь он в одно время верой и правдой служил Тамерлану, но в подходящий момент забрал часть сородичей и вернулся на родину. Он сумел объединить горсточку «возвращенцев» с выжившими соплеменниками на родине и фактически заново воссоздать костяк карачаевского народа» [Тебуев 2019: 155].

Приведенный нами документальный рассказ о среднеазиатской (узбекской) биографической страничке Карчи находит подтверждение и у профессиональных историков. В 2005 г. в Нальчике при содействии Президента Московского общества востоковедов, главного редактора «Туркологического вестника» Ахмата Глашева были опубликованы фрагменты «Булгаро-хазарской летописи», где встречается следующая информация: «Хан Тамерлан напал на Караджурт, на земле Бештау. Уничтожил большое количество хазарских куман, алан, ногайцев и татар. Много парней и девушек увел в Бухару. Они прошли много дорог, в пути умерло много людей. Угнанных продали в рабство на севере и юге Бухары, на земле Кашгар и Комул...». Далее повествование ведется со слов скриптора: «Карча сообщил

нам, что хочет вернуться на родину в Караджурт. Карча, Баллиу, Джантуган, Барлыуу, Кюлсунай, Конджак, Науруз, Турам, Агтуркай, Будууан с женами и детьми (всего 200 человек) двинулись в путь. Из крепости Карасуу пришли в Тьмутаракань, оттуда (через Керченский пролив) перешли в Сибилти. На берегу Кубани у мастыков, осевших у айдыков из племени кипчаков, ночевали два дня. Потом гостили на берегу реки Дженлик, в крепости Элтурук у тауказов. Там провели всю зиму. В этой местности тауказов у карачаевских алсунаров из племени алан после нашествия Тамерлана осталось 33 двора» [Глашев 2005: 25].

Важный вклад в увековечение имени Карчи внес выдающийся русский кавказовед и учитель Карачаевского горского училища М. Алейников, который в конце XIX в., следуя призыву редакции «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», собирал местный фольклор и публиковал в российских этнографических журналах. Предание «Карча» он издал в указанном сборнике в 1883 г. в Тифлисе.

«Карча считается родоначальником карачаевцев. Некогда с небольшим своим племенем он вышел из Крыма и после долгих скитаний поселился на одном из верховьев р. Баксана, где прожил, никем не замеченный, около шести лет», – так начинает свое повествование М. Алейников [Алейников 1983: 103]. Далее, по сюжету Карча надумал построить мост через Баксан. «Жившие внизу кабардинцы, увидев плывущие по реке щепки, немало удивились и донесли об этом своему князю Кази» [Алейников 1983: 103]. После многочисленных коллизий социально-политического характера, «Карча, не желая более оставаться на Баксане с такими беспокойными соседями, переселился в ущелья верховьев Кубани» [Алейников 1983: 105]. В обнаруженных нами фольклорных и беллетризованных преданиях о Карче можно найти определенные разночтения и вольности в трактовке хромотопа, т.е. географических и временных координат, но лейтмотив с «щепками в речной воде» – еще одна интересная этнокультурная константа, прежде всего, показывающая, что кабардинцы занимали «лесостепную и степную полосу у входа в ущелье» [Малкондуев 2005: 50], а горцы (карачаевцы и балкарцы) – верхнюю, альпийскую часть. Сходная мысль содержится и в стихотворении Алима Кешокова «Кайсыну Кулиеву»:

Мы пили воду из Чегема:
Ты наверху, а я – внизу.
И нам с тобой дарило небо
Одну зарю, одну грозу

[Кешоков, Кулиев 1974: 16].

Решительный уход Карчи с верховьев реки Баксан в новую среду обитания со своими соплеменниками и создание на Кубани отдельного централизованного поселения специалистами трактуется не только в конкретно-событийном, но и расширительно-символическом смысле. Так, кавказовед Х.И. Суюнчев в предисловии к книге Н.И. Хасанова «Карча. Тайны веков» отмечает, что «это был очень важный период завершения отпочкования карачаево-балкарцев из среды родственных тюркоязычных народов и других соседних племен как самостоятельного этноса» [Хасанов 1994: 4].

В Карачае и Балкарии с именем Карчи связаны многие топонимы, по которым можно определить траекторию его передвижений по региону. Часть их приводится в книге С.А. Хапаева «Географические названия Карачая и Балкарии». Например:

«КЪАРЧА-ДЖУРТ /КАРЧА-ДЖУРТ/, поселение, часть современного аула Карт-Джурт; *Карча* – антропоним; *джурт* «поселение».

КЪАРЧА-КЪАЛА /КАРЧА-КАЛА/: 1) уроч., верш. и городище близ пос. Архыз; 2) развалины башни (замка) в бывш. Кар. селе Эль-Джурт в 2 км выше гор. Тырнауза близ автотрассы; 3) остатки башни близ селища Тура-Хабла

в В. Балкарии; 4) название цитадели в В. Балкарии (совр. название Болат-Кала); 5) одно из названий башни Амирхан-Кала; *Къарча*, по легенде, предводитель и родоначальник владетельных родов карач. народа; *къала* «башня», «крепость».

КЪАРЧА-КЪОЛ /КАРЧА-КОЛ/, название хребта м/у Чегемским и Безенги-Холамским ущельями; *Къарча* – антропоним; *къол* «хребет».

КЪАРЧАНЫ-ТАШЫ /КАРЧАНЫ-ТАШЫ/: 1) гигантский валун на лев. бер. р. Уллу-Кам; 2) камень в Баксанском (Басхан.) ущ.; *Къарча* – и. собств.; *таш* «камень».

КЪАРЧАНЫ-ЮЙ-ОРУНУ /КАРЧАНЫ-ЮЙ-ОРНУ/, местн. у нижн. окр. пос. Тегенекли; *Къарча* – антропоним; *юй* «дом»; *орун* «место».

КЪАРЧА-ОБАСЫ /КАРЧА-ОБАСЫ/, местн. рядом с кварталом Тоторкуловых в а. Хурзук, где, согласно народным преданиям, в склепе были похоронены Карча и его супруга.

КЪАРЧА-ТЕШИК /КАРЧА-ТЕШИК/, пещера в В. Балкарии; *Къарча* – и. собств.; *тешик* «щель», «пещера».

КЪАРЧА-ТЁБЕ /КАРЧА-ТЁБЕ/, местн. в Архызском ущелье; *Къарча* – антропоним; *тёбе* «холм» [Хапаев 2013: 244].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Карча – легендарная историческая личность, сыгравшая большую роль в консолидации этноса – занимает значительное место в фольклорно-литературном сознании карачаевцев. Не только в устном народном творчестве, но даже в некоторых исторических источниках он выступает как амбивалентный герой, являясь то современником Хромого Тимура (XIV в.), то просветителем XVIII в. Это и есть те самые «циклические процессы с повторениями», о которых пишет фольклорист А.М. Гутов в своей монографии «Константы в культурном пространстве» [Гутов 2011: 3].

Все эти противоречия преодолеваются и обретают художественную логику в лиро-эпической поэме Магомеда Хабичева, создавшего на основании многочисленных легенд и преданий пролонгированную родовую историю Карчи, где один из его потомков, как отличительный знак, носит унаследованное имя своего деда. Младший Карча в трансторической поэме М. Хабичева представлен как реформатор и законодатель нового времени с ярко выраженным государственным мышлением и дипломатическим даром. Свою основную миссию он видит в сохранении «отцовского очага» и обеспечении счастливого и мирного сосуществования с соседями по планете.

Таким образом, исследование доступных нам фольклорных и литературных текстов, в том числе древней поэмы М. Хабичева «Карча», позволило создать более расширенное, художественно преломленное представление о масштабе личности Карчи. Дальнейшая перспектива изучения вопросов, связанных с именем легендарного основоположника карачаевцев, видится в привлечении материалов из российских и зарубежных исторических архивов.

Источники и литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Балкарский фольклорный фонд.
2. Алейников М. Карча // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 103–105.
3. Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск: ПУЛ, 1991. 320 с.
4. Ахматланы С.С. Табийгъат сёзлюгю: Къарачай-малкъар-орус эм орус-къарачай-малкъар сёзлюк. Нальчик: Эльбрус, 2009. 144 б. (Ахматова С.С. Словарь природы: Карачаево-балкарско-русский и русско-карачаево-балкарский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2009. 144 с.)

5. *Батчаев М.Х.-К.* Карча – вождь свободных // *Батчаев М.Х.-К.* Солнце светит всем. М.: Эльбрусид, 2012. С. 353–364.
6. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. Сходства и отличия. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
7. *Глазиев Б.А.* Летопись Карчи. Булгаро-хазарская летопись. Нальчик: Полиграфия, 2005. 60 с.
8. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
9. *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
10. *Кагъыйланы Н.М.* Къарча. Роман. Черкесск. Къарачай-Черкес республиканы китаб басмасы, 1994. 240 б. (*Кагиева Н.М.* Карча. Роман. Черкесск: Карач.-Черк. респ. кн. изд-во, 1994. 240 с.).
11. Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. 815 с.
12. *Кешоков А.П., Кулиев К.Ш.* Горской песни два крыла. Нальчик: Эльбрус, 1974. 64 с.
13. *Малкондуев Х.Х.* К истории карачаевцев XVI–XVII веков по фольклорным данным (Карча, Боташ, Адурхай, Трам и другие) // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик: Эльфа, 2005. С. 48–78.
14. *Малкондуев Х.Х.* Песни и легенды о Карче и Боташе. Особенности повествовательных элементов // *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 80–115.
15. О человеке по имени Карча, о его друзьях и о стране, ими открытой // Мифы и легенды народов мира. Россия: Сборник. М.: Мир книги, Литература, 2006. С. 390–405.
16. *Султанов К.К.* Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М.: ИМЛИ, 2017. С. 4–48.
17. *Тебуланы Ш.Ш.* Эсде къалгъан хапар // Минги-Тау. 2019. № 2. Б. 154–157 б. (*Тебуев Ш.Ш.* Предание, сохранившееся в памяти // Эльбрус. 2019. № 2. С. 154–157).
18. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
19. *Хабичевы М.А.* Эртдеги поэма «Къарча» // Къарачай. 1996. 21 дек. № 98 (*Хабичев М.А.* Древняя поэма «Карча» // Карачай. 1996. 21 дек. № 98).
20. *Ханаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Эльбрусид, 2013. 576 с.
21. *Хасанланы Н.И.* Къарча. Ёмюрледен тахсала. Черкесск: ПУЛ, 1994. 512 б. (*Хасанов Н.И.* Карча. Тайны веков. Черкесск: ПУЛ, 1994. 512 с.).
22. Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии К.Ш. Кулиева (1917–1985 гг.). 27–29 октября 2017 г. Нальчик: Принт Центр, 2017. 360 с.

HISTORICAL TALES AS PROTOTEXT OF «ANCIENT POEM OF KARCHA» BY MAGOMED KHABICHEV

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

The article discusses thematically marked historical-ethnographic and folklore-mythological material, which has become a prototext for the lyric-epic poem «Karcha» by a karachay scientist, poet-folklorist M. Khabichev (1930–1993). In the work, covering the time interval from the end of the XIV-th century (the invasion of Lame Timur on the North Caucasus) to the XVIII-th century (the Age of Enlightenment), the main hero Karcha is presented as a transhistorical character, whose bold social-political projects to consolidate a disparate ethnic group and attain national independence are realized through the activities of his descendant with a similar archetypal name. Such a nominological constant is due to the ethnocultural tradition at the extreme moments of national life to appeal to the key epic hero, to cultivate his name as a

symbol of basic values. In the poem of M. Khabichev the elder Karcha and the younger Karcha are connected not only by blood-related ties, but also by common humanistic ideas of establishing peace in the North Caucasus and the entire planet. An important place in the article is given to decoding of key images, in particular, the «pillow with oregano», symbolizing man's devotion to his Homeland.

Keywords: folklore, historical tales, prototext, poem, plot, Magomed Khabichev, Karcha.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-124-132